

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СТАТИСТИКА

ЭО, 2007 г., № 5

© В. В. Степанов

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: В ЗАЩИТУ ЭТНИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ

Предлагаемые в данном разделе статьи – различающиеся по направленности и концептуальным подходам – тем не менее обладают общим свойством: они используют в качестве познавательного инструмента цифры. В отечественной этнологии постсоветского образца точные измерения не в моде. Миновал этносоциологический бум 1970-х – первой половины 1990-х годов, и экологическая этнология, первоначально развивавшаяся как наука междисциплинарная и основанная на точных наблюдениях, растеряла свой запал и сегодня более похожа на "этнографическую экофилософию". Социально-психологическое направление, хотя и использует точные методы, но отдается от этнологии и постепенно утрачивает общие с ней интересы.

Сегодня, когда предметная сфера отечественной этнологии благодаря своему разнообразию становится все менее определенной, когда ее методология и теория обретает все больше противоречий, тема общности научных интересов оказывается особенно важной. Разногласия даже по поводу того, как именно следует называть научную дисциплину, не перечеркивают общего стремления исследователей хранить и культивировать "этнографическую мысль", сохранять базовые источники знаний. Однако в современных условиях это делать все труднее. Еще большие препятствия видятся в будущем из-за ограничений, как это ни парадоксально, информационного характера. В этих ограничениях не последняя роль принадлежит законодательству, которое – теперь и в России – развивается в сторону роста контроля исследований частной жизни. Пока что закон не препятствует напрямую этнографическим изысканиям, но это лишь вопрос времени. В отношении же столь важного для нашей науки источника, как этническая статистика, вопрос практически решен – такого источника, плох он или хорош, в России, вероятно, вскоре не будет. Во всяком случае, именно этому способствуют события последних 5–7 лет.

Современная Россия приняла по наследству от СССР систему государственного статистического учета, и этой системе, по понятным причинам, необходимо было модифицироваться. Однако потери от таких перемен следовало сделать минимальными, а не фатальными. Логика преобразований была вроде бы верной: данные о национальности, как принудительная форма идентификации, исчезли из персональных документов, прежде всего, из паспорта гражданина¹, сама система учета стала мягче и не обязывала людей давать о себе сведения. Если, в 1980-е годы даже в российской глубинке при устройстве в гостиницу требовалось в "гостевом" листе указывать не только свои "ф.и.о" и данные о прописке, но и "национальность", то в 1990-е годы такая практика постепенно сошла на нет. В советское время люди, желавшие зарегистрировать или расторгнуть брак, в обязательном порядке вписывали в бланк заявления свою "национальность" (в отдельные годы требовалось указать еще и родной язык), а теперь соот-

---

Валерий Владимирович Степанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

ветствующую графу, стали заполнять по желанию². То же в отношении регистрации усыновления, установления отцовства, перемене имени, а также при заполнении личного листка по учету кадров при приеме на работу или учетных документов при смене места жительства. По свидетельству представителей Росстата³, в начале 2000-х годов сведения о национальности мигрантов в талонах статистического учета заполнялись в целом по России не на 98–100% , как это было раньше, а максимум на 85%⁴. При этом в отдельных регионах статистический учет этнического состава мигрантов практически прекратился уже во второй половине 1990-х годов⁵. В целом по России такой учет прекращается в 2008 г.

Наряду с исчезновением "паспортной национальности" исчезает и статистический учет национальностей в сфере демографического движения. Если во время регистрации рождений фиксирование национальности родителей еще продолжает производиться⁶, то в отношении регистрации смертей заполнение соответствующей графы во многих случаях оказывается невозможным⁷.

Вместе с тем не исчезла графа "национальность" в некоторых документах правоохранительных органов. Хотя данный вид статистики по своему типу относится к закрытым источникам информации и соответствующие сводные данные не подлежат обработке органами государственной статистики и не направляются им, все-таки существование этого варианта учета национальностей следует признать. Правоохранительными органами производятся и иные формы учета национальностей. Например, в гостиничном хозяйстве Москвы региональным законом предусмотрена норма, согласно которой в так называемом паспорте безопасности каждого гостиничного предприятия, по согласованию с МВД и ФСБ, могут значиться сведения о национальности гостиничного персонала⁸. "Милицейский" учет национальностей, хотя и не имеет всеобщего характера, однако влияет на деятельность и разработку мер охраны общественного порядка⁹.

В России пока сохраняется система персонального жилого учета, согласно которой в домовую книгу (в сельской местности – в похозяйственной книге) записывается национальность каждого человека, проживающего в определенном жилом строении. Исключением являются новорожденные. Их графа о национальности в течение нескольких лет может оставаться пустой. Однако и этот вид учета прекращается. С 2008 г. общегосударственные статистические разработки по нему производиться не будут.

На протяжении многих десятилетий сохраняется практика статистического учета малочисленных национальностей, проживающих в северных и аналогичных по суровости климатических условиях регионах. Еще в советский период не все, но многие группы обрели статус патронированных. На нынешнем этапе список коренных малочисленных народов Севера (КМНС) увеличен, но он так и не охватил всю совокупность этнокультурных сообществ северян. Статистический учет КМНС производится Росстатом средствами текущей статистики за счет применения устаревших методов – практики похозяйственной регистрации, фиксации состава работников предприятий, учета состава школьников – все эти виды учета, как сказано выше, исчезают или уже исчезли. Более и или менее современные варианты сбора статистических данных, такие, в частности, как анализ бюджетов семей, не применяются в отношении КМНС.

В постсоветский период в России законодательно определен перечень не только малочисленных северных национальностей, но вообще малочисленных национальностей, получивших статус коренных малочисленных народов (КМН). Законодательно определен критерий численности, согласно которому конкретная категория населения наделяется указанным статусом и на этой основе приобретает право на поддержку со стороны государства. Хотя законодательному нововведению уже более 10 лет, современная система государственного статистического учета не предусматривает специального подсчета национальностей, наделенных статусом КМН, и никаких разработок на федеральном уровне в этом направлении не ведется.

Существует еще ведомственная статистика, которая в какой-то мере, причем весьма слабой и чаще всего некорректной, производит учет отдельных категорий населения по их этнокультурной принадлежности. В Министерстве образования еще с советских времен существовала практика сбора статистических сведений о так называемых национальных языках обучения. Но, как и общероссийская система учета, она пришла в упадок и поддерживается лишь в некоторых российских регионах, прежде всего в республиках Поволжья.

Таким образом, в нынешних условиях практически единственным этностатистическим источником является перепись населения. Однако и с нею возникают серьезные проблемы. Общегосударственная перепись населения, осуществленная в 2002 г., включала целый блок задач, отвечающий нуждам этнической статистики. К ним относились вопросы о национальности, языке и гражданстве, сведения о демографических параметрах населения, данные о миграции и некоторые др. В настоящее время происходит подготовка к проведению второй постсоветской переписи населения¹⁰; она намечена на 2010 г., причем подготовка к ней уже началась, поскольку в 2008 г. будет проводиться пробная перепись. В связи с этим Росстат дорабатывает программу переписи, и важнейшим предметом обсуждения является содержание переписной анкеты. Опять, как и накануне предыдущей переписи, возникла тема правомерности и допустимости вопросов о национальности и языке.

Еще в период подготовки переписи 2002 г. статистическое ведомство сталкивалось с обвинениями во вторжении в частную жизнь. Говорили, что перепись якобы противоречит Конституции, прежде всего положениям о праве на неприкосновенность частной жизни (ст. 23). Руководству Госкомстата в тот период удалось убедить власти и общественность, что закон в ходе переписи не нарушается, так как сведения предназначены для массовой статистической обработки, а не для получения и хранения информации о каждом человеке. Более того, собранные переписью сведения уже через короткий срок обезличиваются. Но для осуществления следующей переписи этих аргументов недостаточно. Дело в том, что нормы российской Конституции, регламентирующие сбор и хранение информации о персоне, получили свое развитие в новом федеральном законе.

В 2006 г. принят федеральный закон "О персональных данных"¹¹. В нем сказано, что к 2010 г., а именно на этот срок запланирована следующая перепись населения, все информационные хранилища индивидуальных данных должны соответствовать определенным требованиям. Какие же это требования? Противники проведения переписи усмотрели, что законом ограничивается сбор, обработка и хранение персональных данных, и под этими данными понимаются любые сведения, относящиеся к физическому лицу. Таким образом речь идет не только о таких параметрах, как имя, год рождения, но и семейное положение, образование, профессия и пр.

Организуя прошлую перепись, государственная статистика, дабы избавиться от обвинений во вторжении в частную жизнь, выдвинула встречный аргумент: персональные анкеты заполняются только на этапе первичного сбора информации, что объяснялось требованиями проверки полноты и точности сведений; впоследствии данные обезличиваются, т.е. превращаются в бесфамильные и безадресные и агрегируются в сводные таблицы; обработанные опросные листы подлежат уничтожению. Но теперь подобные аргументы утратили почву, ведь в новом законе специально оговорено, что обезличивание данных и даже уничтожение их – эта все та же деятельность с персональными данными, и она подлежит регламентации.

Сбор сведений о человеке, как написано в документе, должен соответствовать "законности целей", а сведения обязаны быть достоверными и вместе с тем не избыточными. Отсюда следует, что Росстату необходимо привести веские аргументы, для каких именно целей осуществляется сбор персональных сведений, в частности данных о национальности людей. Следует также убедить закон и общественность, что вопрос в

переписи о национальности не является избыточным. И нужно доказать недоказуемое: что такие сведения – полностью достоверны.

Ключевым моментом в претензиях противников переписи является ст. 6 обсуждаемого закона. В ней сказано, что у человека, о котором записывают персональные данные, предварительно требуется получить согласие в письменной форме. С точки зрения юридических консультантов Росстата, поборников законности переписи, не где-нибудь, а непосредственно на опросном бланке рядом с графой "национальность" статистики должны предусмотреть место для паспортных данных опрашиваемого, а также место для фразы "согласен" и личной подписи. Технически такое требование нереализуемо, ведь каждый квадратный сантиметр переписного листа используется именно для опроса, а неэкономный вариант приводит, с учетом масштабов страны, к огромным денежным затратам. Но главное, этими "паспортными данными" и "подписями", порождающими предубеждение населения, будет перечеркнута сама перепись. Принцип доверия к опрашиваемому лицу (а этот принцип основан на том, что человек дает ответы без предъявления документов) окажется нарушенным.

Более того, предлагаемое консультантами "соглашение" не согласуется с цитируемым законом. Этот правовой документ требует большего – не только паспортных сведений о физическом лице, которому задают вопросы, но и его адрес (а применительно к переписи – это полное нарушение принципа конфиденциальности). Требуется также указать, для каких именно целей опрашиваемый согласен предоставить о себе сведения и даже – какие действия последуют в отношении этих сведений. Получается, что нужно впечатать в опросный лист чуть ли не всю программу статистической обработки переписных данных! И еще нужно обязательно указать срок, на какой персональные данные предоставлены, а также... "порядок отзыва" сообщаемых о себе сведений.

Камень преткновения на пути переписи содержится в ст. 10, где перечислены запреты для сборщиков информации темы. Это – данные, касающиеся "расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни". В ноябре 2006 г. на совещании Росстата, посвященном подготовке переписи 2010 г., некоторые специалисты настаивали на том, что перепись вообще не должна содержать вопросы о национальности. С их точки зрения это дорого, неэффективно и следует выяснять данные вопросы "социологическими методами". Следует, однако, заметить, что если обсуждаемый закон в своей ст. 10 запрещает переписчикам задавать вопросы о национальности, то уж тем более он лишает социологов возможности работать на этом поприще на законных основаниях. Большая часть социологических опросов станет бессмысленной, если потребуется предварительно собирать у респондентов паспортные данные и согласие отвечать. Упомянутая статья подрывает также саму основу этнологии, которая связана с полевыми изысканиями, представляющими собой текстовые, фото и видеозаписи о конкретных людях. Такие исследования строятся на взаимном доверии исследователя и информанта, и использование каких-либо "паспортных соглашений" здесь неприемлемо.

Чем чреват отказ от переписи или проведение переписи без вопросов о культурном и языковом разнообразии? Отсутствие указанной переписной информации не позволяет эффективно осуществлять профилактику экстремизма и ксенофобии на этнической почве, планировать и проводить в жизнь этническую политику, выполнять международные обязательства, например, по соблюдению прав этнических меньшинств. Отсутствие этой информации не позволит выполнять ряд федеральных законов, в том числе правовые нормативы о коренных малочисленных народах, поскольку нормы о КМНС опираются на статистические сведения о демографической численности национальностей. Без указанных сведений не только в отношении КМНС, но и множества

иных категорий населения будет трудно осуществлять планирование и управление в сфере образования, культуры и информации.

Между тем именно просчеты государства в этих сферах служат поводом для общественного недовольства и причиной снижения гражданской лояльности. Отсутствие указанных статистических данных не позволит эффективно планировать работу органов правопорядка и занятости населения в решении проблем этнических аспектов преступности, этнических аспектов безработицы и социальной депривации. Нельзя забывать, что сбор сведений об этническом составе населения страны имеет огромное идеологическое значение, поскольку Российское государство, согласно действующей Конституции, – федеративное. В научно-прикладной сфере отсутствие переписных данных об этническом составе населения влияет на качество прогнозов государственной важности – демографических, миграционных, а ошибочность таких прогнозов оказывает непосредственное воздействие на состояние безопасности страны.

Цифры, применяемые в гуманитарных исследованиях, редко бывают точными. Нечеткость характерна и для этнической статистики, ведь она фиксирует формы массового сознания во всем их многообразии – от этнокультурного, языкового, исторического – до бюрократически, политически или конъюнктурно мотивированного. Однако нечеткость сведений такой статистики не означает ее ненужность. Итоги этностатистических наблюдений, особенно рассматриваемые в динамике, являются свидетельством многих социальных процессов, отражают их временной и пространственный масштаб, дают представление и позволяют ставить гипотезы о том, какие этнокультурные явления доминируют, а какие угасают. Предлагаемые вниманию читателя статьи различаются по своей тематике и теоретическим подходам. Вместе с тем они подтверждают мысль о том, что статистические данные имеют особое значение для гуманитарной науки.

В статье Ю.П. Шабаева показано, что в Республике Коми, современный облик которой "создан мигрантами" в советский период и после него, "так и не сложилось прочное территориальное сообщество" (автор именует его "сегментированным"). Каждая волна миграции, начиная с принудительной "лагерной" (спецпоселенцы), способствовала изменению этнодемографического состава. Не менее значительные перемены происходили и в массовом сознании. В статье отражены этапы появления "культурного и социального лидерства доминантного большинства", в основном русских, по отношению к остальной части населения, прежде всего по отношению к коми ("боязнь говорить на родном языке"). Это обусловило однонаправленность процессов этнического самопричисления в смешанных коми-русских семьях в пользу русской культуры. Автор пишет, что на этническую ситуацию повлияли перемены демографических пропорций населения, распространение массовых "культурных" стереотипов, а также культурно-образовательная политика и ассимиляционное давление "пришлых".

Получилось, что не местное население интегрировало мигрантов в свое сообщество, а мигрантское большинство ассимилировало местных жителей. Не случайно, во времена заката социализма стали возникать организации, считавшие своей целью политическую защиту интересов "титального народа" коми (требуя приоритета политических прав для коми и выступая против мигрантов). Как результат – культивируемые интолерантность и ксенофобия. Сегодня, делает вывод автор, население республики не готово к возможным будущим переменам, если таковые последуют в результате нового миграционного притока людей из южных регионов страны и зарубежья.

В статье Т.А. Титовой объектом исследования являются недоминирующие в этническом отношении категории населения в городской среде Татарстана. В их числе автор называет чувашей, украинцев, немцев, армян, указывая на распространение среди некоторых из них феномена двойственной этнической идентичности. Изучаются приверженность своей этнической группе ("этноаффилиативные установки", "этноинтегрирующие характеристики") и "национальному" языку. Описана тенденция перехода

на "другой родной язык" (русский), а также в определенных случаях – ориентация на два родных языка. Все эти наблюдения имеют важное значение для совершенствования механизма переписной этностатистики.

Особую важность представляет собой в данном разделе статья Т. Путкарадзе и З. Вуркадзе. Мы благодарны коллегам из Грузии, представившим материал об этнодемографической и социальной ситуации в этом государстве. В 2002 г. в Грузии, как и в России, была проведена перепись населения, и в статье представлены ее итоги, в том числе подсчеты этнического состава. Эти подсчеты представляют собой существенную трудность, поскольку значительная часть территории – это ныне не признанные и не подчиняющиеся грузинскому правительству республики Абхазия и Южная Осетия. Авторы показали, что среди факторов сокращения населения особая роль принадлежит этническим конфликтам и массовым миграциям. По моей просьбе авторы дополнили текст статистическими данными о распределении населения Грузии по вероисповедованию. Для отечественной науки эта информация и выводы, сделанные на ее основе, особенно ценны потому, что в российской переписи 2002 г. одним из аргументов против вопроса о религии был довод о том, что большинство населения не даст ответа или возникнут конфликты. Соответственно, вопроса о религии в российской переписи не было. Не предусмотрен он и в программе переписи 2010 г. Вопрос о религии в грузинской переписи, проведенной в довольно трудный для страны политический и социально-экономический период, не вызвал каких-то заметных общественных коллизий.

Проблеме адекватности статистического учета коренных малочисленных народов Севера посвящена статья З.П. Соколовой и В.В. Степанова. Авторы пишут, что в силу технического несовершенства статистического учета, а также конъюнктурности понятия КМНС, нет возможности даже на основе новейших результатов переписи дать однозначную оценку – сокращается или численно растет "статусная" категория населения. Тем не менее авторы приходят к выводу, что перепись дает повод отойти от распространенной до сего дня риторики "вымирания аборигенов". Могут ли сами по себе материалы статистики способствовать сохранению уникальных культур – вопрос открытый. Очевидно, однако, что даже упоминание имени малочисленной группы в государственном списке служит отправной точкой для соответствующих госпрограмм, и поэтому этническая статистика хотя бы в отношении КМНС обязательно должна поддерживаться и развиваться государством.

В.А. Тишков и Э.Ф. Кисриев концентрируют внимание на двух важных темах – феномене множественной этнической идентичности и проблеме конъюнктурного и политически ангажированного учета этнического состава населения. В качестве объекта исследования выбрана переписная ситуация в Дагестане – республике, в которой свыше десятка этнических наименований оказались учтенными статистикой с существенными искажениями. Авторы критикуют до сих пор распространенную в отечественной науке точку зрения об "эксклюзивном этническом членстве" человеческого индивида, говоря, что такой взгляд не соответствует культурному разнообразию и изменчивости и не позволяет академическим исследователям "дойти до уровня общественных практик". Требование однозначной этнической принадлежности соответствовало старой советской бюрократической практике "унификации и интеграции" этнического разнообразия, и такого рода требования существуют и сегодня. Об этнической "чистоте" ратуют власти отдельных регионов и "этнические элиты" в республиках. Кроме того, как пишут авторы, лидеры и активисты малых групп, представители дисперсных сообществ, депортированных народов, лишенных территориального статуса, вместе с представителями академической науки выступали раньше и выступают теперь за возможно более подробную статистическую фиксацию, видя в этом акт признания государством недоминирующих этнических категорий населения. На почве

таких разногласий в ряде регионов этничность, по определению авторов, стала важнейшим орудием в конкурентной борьбе за власть и ресурсы.

В статье И.М. Габдрафикова рассматривается вопрос о политическом манипулировании данными статистики, что проявляется прежде всего при учете этнического состава населения. Тема статистических приписок – законный объект этнологического анализа. Каким "должен" быть процент "титального народа"? По мысли политиков, видимо, он обязан превысить долю других численно заметных групп в регионе. Это и было с успехом достигнуто во время переписи 2002 г. в Башкортостане. Нет сомнения, что политика влияет, а зачастую и определяет этническую самоидентификацию людей, и в этом смысле отделение одного от другого невозможно. Но прямое воздействие политических интриг на процедуру переписи должно быть сведено к минимуму, к чему следует стремиться не только работникам государственных статистических служб, но и академической науке.

Примечания

¹ С 1997 г. в Российской Федерации действует гражданский паспорт, в котором отсутствует графа "национальность".

² При оформлении совместного заявления о заключении брака лица указывают национальность по желанию. Точно так же по их желанию в запись акта о заключении брака вносят сведения о национальности. Реальная практика такова, что, если в заявлении национальность указана, то она автоматически вписывается работниками загса в акт о заключении брака. Соответственно, в свидетельстве о заключении брака, выдаваемого супругам, значится национальность каждого. Аналогично осуществляется заполнение соответствующих граф при оформлении расторжения брака.

³ Федеральная служба государственной статистики (Росстат) РФ.

⁴ Из доклада заместителя начальника Управления статистики населения И.М. Ерошиной на демографической секции в ООН в 2004 г.

⁵ Примером является Кабардино-Балкария, где текущая статистика, построенная на сборе персональных данных, уже в течение 10 лет не дает представления о национальности людей, покидающих республику. Об этом см.: *Акжиева С.* Кабардино-Балкарская Республика: Модель этнологического мониторинга / Ред. В.В. Степанов. М., 1998.

⁶ По желанию заявителя в государственной записи акта о рождении может быть указана национальность родителей. Так же по желанию эта запись может быть внесена в свидетельство о рождении.

⁷ До конца 1990-х годов, пока не были заменены паспорта советского образца на новые, национальность умерших фиксировалась в обязательном порядке. Но теперь запись о национальности указывают лишь в том случае, если такие сведения указаны в документе, удостоверяющем личность умершего.

⁸ См.: Разд. III. 2, п. 2.5. *Инструкции по разработке паспорта антитеррористической защищенности и техногенной безопасности предприятиями гостиничного комплекса города Москвы / Приложение к распоряжению Правительства Москвы от 15 ноября 2006 г. № 2335-РП.*

⁹ Что отражается, например, в представлении о существовании "этнической преступности".

¹⁰ Следует уточнить, что кроме Всероссийской переписи 2002 г., которая носила сплошной характер, в 1994 г. была проведена так называемая микроперепись, охватившая лишь 5% населения страны.

¹¹ Закон Российской Федерации "О персональных данных" от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ.